

ROMANTIC
COLLECTION

БАРБАРА КАРТЛЕНД

НИЩУЉ ЛОРД

Барбара Картленд

Нищий лорд

«Азбука-Аттикус»

1974

Картленд Б.

Нищий лорд / Б. Картленд — «Азбука-Аттикус», 1974

Лорд Карбори знатен, красив и отважен, но ему не суждено жениться на любимой девушке – ведь у него ни гроша за душой. Да и сама красавица, хотя и отвечает ему взаимностью, никогда не пойдет замуж за бедняка. Молодой человек готов на все, чтобы положить к ее ногам состояние. Фенелла, его кузина и друг детства, ради него не боится рисковать жизнью. Вдвоем они переживают опасные приключения, не подозревая, какие сюрпризы ждут их в будущем...

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Барбара Картленд

Нищий лорд

Barbara Cartland
THE PENNILESS PEER

© 1974 by Barbara Cartland

© Павлычева М., перевод на русский язык, 2014

© Болятко О., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014

Издательство Иностранка®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава первая

– Умоляю, Хетти, еще один поцелуй!

– Нет-нет, Периквин, мне нужно идти.

– Но ты не можешь уйти! Прошу тебя, останься! Я так долго ждал случая увидеться с тобой наедине.

И он принялся целовать ее с таким пылом, что у нее перехватило дыхание.

– Милый Периквин, – прошептала она, – я обожаю, когда ты меня так целуешь.

– Я люблю тебя, – сказал он проникновенно. – Ангел мой, когда же мы наконец поженимся?

– О Периквин!

Лорд Корбери на секунду ослабил объятия и внимательно посмотрел на нее. Она была очень хороша собой, в этом единодушно сходились все. Очень светлая блондинка, с огромными голубыми глазами с поволокой, Хетти Болдуин стала звездой Сент-Джеймса с момента своего первого появления в свете. Теперь, спустя два года, она по-прежнему не имела себе равных и всегда была окружена толпой светских щеголей и прочих молодых бездельников, не желающих отставать от моды.

– Что ты хочешь сказать этим «О Периквин!»? – спросил лорд Корбери.

Хетти прижалась щекой к его плечу.

– Ты знаешь, что папа никогда не даст своего согласия.

– Черт, какое нам дело до твоего отца? – вспыхнул лорд Корбери. – Нам нужно бежать, Хетти. Мы поженимся, и твой отец уже ничего не сможет поделать.

Он замолчал, увидев, что Хетти широко раскрыла глаза от изумления.

– Ты предлагаешь мне бежать в Гретна-Грин?¹ – спросила она с ужасом.

– Почему бы и нет? – резко ответил он. – Как только мы окажемся за границей и станем мужем и женой, твоему отцу останется лишь браниться и осыпать нас проклятиями – но кого это будет волновать?

Хетти надула свои розовые губки, что сделало ее еще более привлекательной.

– Но, Периквин, я мечтала о пышной свадьбе, на которой присутствовали бы все мои друзья. Я даже придумала, какое у меня будет платье, и мне очень хотелось бы надеть мамину бриллиантовую диадему. – Она увидела, что у лорда Корбери потемнело лицо, и поспешно добавила: – А ты в роли жениха будешь просто неотразим!

– Какая разница, черт побери, где и как мы поженимся, лишь бы мы могли пожениться! – вскричал лорд Корбери. – Подружки, зеваки – какое все это имеет значение! Самое главное – это мы, Хетти. Когда ты станешь моей женой, никто уже не сможет разлучить нас!

– Все это прекрасно, – мягко ответила Хетти. – Но в то же время я бы не хотела огорчать папу. Он так гордится мной! Если я убегу с тобой в Гретна-Грин, это разобьет ему сердце.

– Что же тогда нам делать! – с отчаянием воскликнул лорд Корбери.

Он был исключительно хорош собой – высокий, широкоплечий, с правильными чертами лица. Его серые глаза были способны заставить трепетать сердце любой девушки, на которую он обратит свой взгляд. Даже избалованной вниманием Хетти его вызывающий, дерзкий вид казался неотразимым.

Она высвободилась из его объятий и теперь молча стояла и глядела на него. Ярко-голубая бархатная амазонка выгодно подчеркивала изящество ее фигуры. При входе в дом она сняла шляпу с длинной прозрачной вуалью, и в лучах солнца, проникавшего в комнату сквозь ром-

¹ Гретна-Грин – деревня на границе с Шотландией, где убежавшие влюбленные могли обвенчаться без представления соответствующих документов.

бовидные окна, ее светло-золотые локоны блестели и переливались, образуя сверкающий ореол и придавая одухотворенность ее красоте. Лорд Корбери смотрел на нее словно замороженный.

– Я люблю тебя, Хетти, – сказал он с благоговейным восторгом. – Я не могу жить без тебя.

– И я тоже люблю тебя, Периквин, – ответила она. – Но мы должны быть очень, очень осторожны. Я не говорила папе, что ты вернулся домой, поэтому он даже не подозревает, что я сейчас с тобой.

– Как же тебе удалось приехать? – удивился лорд Корбери.

– Я сказала папе, что поеду в Прайори, что твоя экономка мисс Бакл заболела и я хочу навестить ее. Он похвалил меня за такую заботливость.

– Рано или поздно он, без сомнения, узнает, что я вернулся, – хмуро заметил лорд Корбери.

– Я уже думала об этом, – поспешно сказала Хетти. – Я скажу ему, что миссис Бакл со дня на день ожидает твоего приезда. Если уж приходится лгать, по крайней мере, надо делать это правдоподобно.

– Ты думаешь, мне по душе все эти хитрости и увертки? – спросил лорд Корбери.

– Но что же нам остается делать?

– Ты можешь выйти за меня замуж!

– И на какие средства мы будем существовать? – поинтересовалась Хетти.

– Мы могли бы жить здесь.

Сказав это, он огляделся по сторонам, в первый раз обратив внимание на то, что, хотя деревянные панели были старинными и очень красивыми, все убранство комнаты пребывало в крайне жалком состоянии. Бахрома на бархатных портьерах местами оторвалась, персидский ковер, которому когда-то не было цены, протерся почти до дыр, некоторые стулья были сломаны, а на стенах отчетливо виднелись невыгоревшие пятна от некогда висевших там картин.

Хетти проследила за его взглядом.

– Я знаю, что ты любишь свой дом, Периквин, – сказала она, – но, чтобы привести его в порядок и сделать пригодным для жизни, понадобится не одна тысяча фунтов.

– В то время как у меня нет и тысячи пенсов, – с горечью сказал лорд Корбери.

– Я знаю, – ответила Хетти. – Поэтому с твоей стороны будет ошибкой не только говорить с моим отцом, но даже намекать ему, что ты хочешь жениться на мне. Он твердо намерен подыскать мне блестящую партию. Сейчас он делает ставку на сэра Николаса Уорингема.

– Уорингем! – яростно вскричал лорд Корбери. – Неужели ты думаешь, что будешь счастлива с этим напыщенным снобом, который вот-вот лопнет от самодовольства?

– Но он очень богат, – мягко сказала Хетти.

– А у меня нет ни гроша! – воскликнул лорд Корбери. – Нищий лорд! Смешно, не правда ли?

Хетти едва заметно вздрогнула.

– Мне нужно идти, Периквин, я больше не могу задерживаться, но я постараюсь приехать завтра. Я скажу папе, что миссис Бакл еще очень слаба и я пообещала привезти ей бульон. Маме это тоже понравится, она все время твердит, что я уделяю мало внимания нищим и больным.

– В таком случае удели немного внимания мне, – потребовал лорд Корбери, обнимая ее и заглядывая в огромные голубые глаза. – Как ты красива, невероятно, неправдоподобно красива!

Он прижался губами к ее губам и, почувствовав ответный порыв, сильнее сжал ее в объятиях.

Редко кому из мужчин удавалось вызвать в ней такую бурю чувств. Большинство поклонников считали ее чересчур холодной, однако сейчас ее губы пылали, а руки обвивали шею

лорда Корбери. Когда он наконец поднял голову, он увидел, что ее глаза потемнели от страсти, а дыхание участилось.

– Я люблю тебя! – воскликнул он. – Бог мой, как я люблю тебя!

Он хотел было поцеловать ее еще раз, но она остановила его:

– Нет, Периквин, мне нужно идти, уже поздно. Нам нельзя вызывать подозрения, иначе мы больше не сможем встречаться. – Она повернулась и направилась к двери. Видя, что он собирается последовать за ней, она поспешно сказала: – Не провожай меня. Я не хочу, чтобы мой грум тебя видел.

– Ты приедешь завтра? – умоляюще спросил лорд Корбери.

– Если смогу, – пообещала она. – Но к нам приезжает погостить сэр Николас, и папа рассчитывает, что я буду проводить с ним все свободное время.

– Чтoб он провалился, этот Уорингем! Почему он купается в золоте, в то время как у меня в карманах ветер свищет?

– Мне этот вопрос тоже не дает покоя, – ответила Хетти. – Уверяю тебя, будь ты богат, все было бы совсем по-другому. – Она кокетливо взглянула на него из-под длинных ресниц и добавила: – Неужели ты не можешь раздобыть хоть немного денег? Если бы у тебя было даже небольшое состояние, папа отнесся бы к тебе совсем иначе. В конце концов, твой титул – один из древнейших в королевстве!

– Такой же древний, как Прайори, – ответил лорд Корбери. – И такой же обветшалый.

В его голосе снова послышалась горечь. Хетти обернулась, подбежала к нему и, привстав на цыпочки, поцеловала в щеку, а потом быстро вернулась к двери и с грациозным прощальным жестом исчезла, оставив ему лишь воспоминание о томных голубых глазах и улыбающихся розовых губках.

Некоторое время он стоял, молча глядя на дверь, как бы надеясь, что она сейчас вернется, затем с мрачным видом подошел к окну и обвел взглядом запущенные газоны, сломанные солнечные часы, клумбы, заросшие сорняками, и покрытые мхом перила террасы.

Лорд Корбери стоял, погруженный в свои мысли, как вдруг позади него послышался какой-то звук – сначала щелчок, а потом легкий скрип. Он оглянулся и обнаружил, что часть панели около камина отодвинулась, и в образовавшемся отверстии показалось маленькое личико. Лорд Корбери увидел огромные любопытные глаза и копну темно-рыжих непослушных волос.

– Фенелла! – воскликнул он и подошел к отверстию в стене.

Увидев его, она издала возглас удивления. Он схватил ее за руку и силой втащил в комнату.

– Что ты здесь делаешь?! – с негодованием вскричал он. – Как ты смеешь прятаться в потайной комнате?! Твое поведение просто возмутительно! Мне стоило бы как следует отшлепать тебя!

Он тряс ее с такой яростью, что голова у нее болталась из стороны в сторону, но глаза ее смеялись.

– Нет, пожалуйста, Периквин! – воскликнула она. – Когда ты отшлепал меня в последний раз, мне было ужасно больно! К тому же теперь я слишком взрослая.

Он внезапно отпустил ее:

– Что значит «слишком взрослая»?

– Мне уже восемнадцать. Неужели ты забыл?

– Бог мой, этого не может быть! – изумленно воскликнул он. – Когда я уезжал отсюда, ты была совсем ребенком!

– Чепуха! – возразила она. – Мне было почти пятнадцать, просто я выглядела моложе. А теперь я – взрослая молодая леди.

– Ну, допустим, ведешь ты себя совсем не как леди! – ответил он.

Не было ничего удивительного в том, что лорд Корбери удивился, узнав, сколько ей лет. Невысокая – она едва доходила ему до плеча – она действительно выглядела младше своих восемнадцати лет.

Простенькое ситцевое платье, из которого Фенелла давно выросла и которое плотно облегалo ее фигуру, подчеркивая округлившуюся грудь, от частой стирки почти утратило свой первоначальный цвет, но тем не менее не могло скрыть совершенства ее форм. Солнечные лучи, проникавшие в комнату, зажгли в ее волосах крохотные язычки пламени.

Однако самой примечательной чертой в ее внешности были глаза. Зеленые, как вода в темных прудах, скрывающихся в глубине леса, и чистые, как ручейки, искрящиеся и сверкающие в лучах солнца, проникающего сквозь ветви деревьев, они казались огромными на ее изящном личике.

В Фенелле не было той классической красоты, которой отличалась Хетти, но какая-то неуловимая прелесть делала ее совершенно неотразимой. Уголки губ были слегка приподняты, а в глазах прятались смешинки. Кожа исключительно белая, и лишь крохотный, слегка вздернутый носик усеян веснушками.

– Восемнадцать! – воскликнул лорд Корбери. – И до сих пор не научилась себя вести! Потрудись объяснить, какого черта ты пряталась в тайнике и подслушивала наш разговор.

– Который был очень поучителен, – заметила Фенелла, бросив на него лукавый взгляд.

Он протянул руку, как бы намереваясь снова схватить ее за плечо и потрясти как следует, но она ловко увернулась.

– Я ничего не могла поделать, Периквин, честное слово! – попыталась объяснить она. – Я слышала, как вы вошли, и мне оставалось только спрятаться в потайной комнате, поскольку я подозревала, что Хетти вряд ли обрадуется, застав меня здесь.

– С чего ты это взяла? – поинтересовался лорд Корбери.

– Хетти не очень-то жалуется представительниц своего пола, – ответила Фенелла, – особенно когда они мешают романтическому свиданию с очаровательным поклонником.

При этих словах она внимательно посмотрела на лорда Корбери, отметив искусно повязанный белоснежный галстук, отлично скроенный сюртук и узкие желтые панталоны.

– Как ты элегантно выглядишь, Периквин! Ты и в мундире казался мне совершенно неотразимым, но теперь ты настоящий Адонис!

– Хотел бы я снова оказаться в армии, – огрызнулся лорд Корбери. – По крайней мере меня не так мучило бы отсутствие денег.

– Я знала, что ты расстроишься, когда узнаешь о том, что происходит у тебя в имении, – сочувственно сказала Фенелла, примостившись на краешке дивана.

– Почему никто не поставил меня в известность? – спросил лорд Корбери.

– Я собиралась написать тебе, – ответила Фенелла, – но что бы это дало? Ты был во Франции, и, даже если бы мое письмо дошло до тебя, в чем я сомневаюсь, все равно ты не смог бы ничего сделать до своего возвращения.

– А что, по-твоему, я могу сделать сейчас? – раздраженно спросил лорд Корбери. – Позавчера в Лондоне ко мне заявился Свейер и сообщил, что я не могу сдать землю в аренду, пока не отремонтирую коттеджи, но я не в состоянии это сделать, потому что у меня нет денег! Как так могло случиться?

– Твой отец очень тяжело болел перед смертью, – негромко сказала Фенелла, – а дела шли все хуже и хуже. Макдональд отказался от аренды, а Гримбл сказал, что, если не будут починены амбары, он тоже откажется. Разумеется, в их теперешнем состоянии коттеджи совсем не пригодны для жилья. – Она помедлила и нерешительно добавила: – Остальные коттеджи стоят без хозяев уже почти три года.

– Я спросил Свейера, почему он не написал мне, – сказал лорд Корбери, – а он ответил, что это не его ума дело.

– Думаю, что Джонсон, управляющий твоего отца, обязан был написать тебе, – сказала Фенелла. – Но он всегда отличался тяжелым нравом, а после того как в течение полугода не получал жалованья, так разозлился, что упаковал свои вещи и уехал, даже не попрощавшись.

– Пустые коттеджи! Никакой ренты, в то время как мой дом вот-вот рассыплется! – воскликнул лорд Корбери. – Я видел дыры в крыше, а потолки во многих комнатах того и гляди просто рухнут.

– Главное, чтобы был цел потолок в картинной галерее, – сказала Фенелла.

– В картинной галерее! – усмехнулся лорд Корбери. – Какое это имеет значение, если там уже нет картин. Все они давным-давно проданы.

– Пришлось продать последнего Ван Дейка, чтобы обеспечить уход твоему отцу, пока он болел, – ответила Фенелла. – По-моему, за него удалось получить довольно приличную сумму, но, поскольку нужно было оплатить огромное количество долгов, боюсь, что от этих денег мало что осталось.

– От них ничего не осталось.

– О Периквин, мне так жаль! Я так ждала твоего возвращения, так мечтала снова тебя увидеть, а теперь все испорчено!

– А ты что, рассчитывала, что я буду хлопать в ладоши от радости? – кисло спросил лорд Корбери.

– Нет, конечно, – ответила Фенелла. – К тому же... ты ведь хочешь жениться на Хетти? Этот вопрос прозвучал тихо и нерешительно.

– Разумеется, хочу! – ответил лорд Корбери. – Я в жизни не видел более красивой девушки! Она тоже любит меня, Фенелла, уверен, что любит. Мы могли бы убежать с ней, если бы не этот напыщенный старый сноб – ее папаша.

– Сэр Вирджил очень гордится своей дочерью, – сказала Фенелла, как бы пытаясь оправдать отца Хетти.

– Я бы тоже гордился ею, если бы она была моей женой, – сказал лорд Корбери. – Черт, ну что же мне делать, Фенелла?

Он повернулся и отошел к окну. Глядя на него, Фенелла подумала, что ничего не изменилось.

Между ними было шесть лет разницы, но поскольку они состояли в родстве и жили в полумиле друг от друга, то проводили много времени вместе и в детстве, и позже, когда Периквин приезжал на каникулы и обнаруживал, что поблизости нет другой компании, более подходящей ему по возрасту.

Он обращался с Фенеллой как с мальчишкой, заставлял ее беспрекословно выполнять все его приказы, слепо подчиняться ему, смотреть ему в рот, быть у него на побегушках и, за неимением других кандидатур, выступать в роли наперсницы.

Вот и сейчас, незаметно для себя, они сразу же вернулись к прежним непринужденным дружеским отношениям.

– Сколько у тебя денег, Периквин? – спросила Фенелла.

– Совсем ничего нет, – объявил он. – После разговора со Свейером я отказался от своей квартиры на Доувер-стрит, рассчитал камердинера, продал всех лошадей, кроме тех двух, на которых приехал сюда, и заплатил большую часть своих долгов. – Помолчав минуту, он добавил, обращаясь больше к самому себе, чем к ней: – Я готов локти кусать, как только вспомню, что всего пару недель назад купил той крошке два новых платья, которые ей так приглянулись! Но откуда я мог знать, что положение настолько отчаянное?

– У тебя все еще остается Прайори, – нерешительно произнесла Фенелла.

– Да, у меня еще остается Прайори, – согласился лорд Корбери. – Но я не мог бы продать поместье, даже если бы захотел, потому что это майорат и он должен перейти по наследству моему старшему сыну. Хотя вряд ли я смогу позволить себе роскошь иметь сына!

– По крайней мере, у тебя есть крыша над головой.

– О да, мне есть чему радоваться! – с иронией в голосе произнес лорд Корбери. – У меня к тому же имеется тысяча акров заброшенной земли, которую сам я не могу обрабатывать из-за отсутствия средств, а найти арендаторов, которые бы это делали за меня, почти невозможно. Известно ли тебе, что после войны большинство фермеров обанкротилось?

– Мне это отлично известно, – ответила Фенелла, – и я считаю, что это просто позор! Пока у наших войск возникали проблемы с продовольствием, все были очень благодарны фермерам за то, что они кормили страну. А теперь, в 1817 году, спустя всего два года после Ватерлоо, те же самые люди, которых мы приветствовали и прославляли, нигде не могут получить ссуду, чтобы дотянуть до нового урожая.

– Говорят, что аграрные банки разоряются один за другим, – сказал лорд Корбери. – Не стоит ожидать, что они будут раздавать ссуды, если у них нет уверенности, что они получат назад свои деньги.

Фенелла вздохнула.

– Что же ты собираешься делать?

– Я как раз хотел спросить тебя об этом, – ответил он.

– Я так надеялась, что по возвращении ты наведешь порядок и сможешь помочь своим людям. Но, похоже, тебе это не удастся.

– Каким людям? – спросил без особого интереса лорд Корбери.

– Прежде всего миссис Бакл, – ответила Фенелла. – В конце концов, Периквин, ты просто обязан позаботиться о ней. Она живет в Прайори уже почти пятьдесят лет. Еще при твоём деде она двенадцатилетней девочкой поступила на кухню судомойкой.

– А что с ней? – спросил лорд Корбери. – Я видел ее по приезду, и мне показалось, что она выглядит хорошо.

– Я имела в виду не ее здоровье, – ответила Фенелла. – Речь идет о ее сыне, Саймоне. Ты же знаешь, она просто души в нем не чает.

– Я слышал, что он прошел всю войну и не получил ни царапины.

– Совершенно верно. А в прошлом году он женился на девушке из соседней деревни. Чтобы как-то зарабатывать себе на жизнь, он одолжил двадцать фунтов и купил лошадь и телегу, чтобы заняться извозом. Старик, который был возчиком до него, умер два года назад.

– Ну и что во всем этом ужасного? – спросил лорд Корбери.

– Только то, что он одолжил денег у Исаака Голдштейна, одного из твоих новых арендаторов, который поселился в Старой мельнице.

– Старая мельница, – задумчиво повторил лорд Корбери. – Я думал, что эта развалюха уже не пригодна для жилья.

– Он платит за нее очень маленькую ренту, – ответила Фенелла. – В жизни не видела более мерзкого типа. Будь моя воля, ноги бы его здесь не было. Джонсон сдал ему этот коттедж только лишь потому, что оказался в безвыходном положении. Дело в том, что Исаак Голдштейн – ростовщик.

– Здесь, в Литл-Комб! – воскликнул лорд Корбери. – Бог мой, кому здесь нужен ростовщик?

– Никому, – ответила Фенелла. – Разве что таким, как Саймон. Мистер Голдштейн регулярно ездит в Брайтон и другие близлежащие городки, и, насколько мне известно, дела его процветают. Вся беда в том, что он отъявленный негодяй и мошенник.

Лорд Корбери явно заинтересовался рассказом.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что год назад Саймон взял у него в долг двадцать фунтов, а теперь мистер Голдштейн заявляет, что тот должен ему уже сто, и с каждым месяцем эта сумма растет. – Она

беспомощно развела руками. – Откуда Саймон возьмет сто фунтов, чтобы отдать ему? Сам понимаешь, сколько бы он ни работал, он все больше запутывается в долгах.

– Это обычная история, – сказал лорд Корбери. – Я во многих отношениях человек легкомысленный, но у меня всегда хватало ума держаться подальше от ростовщиков. Мне случилось видеть, как некоторые из моих знакомых офицеров попадали к ним в сети. Один из них даже покончил с собой после того, как они обобрали его до нитки.

Фенелла заломила руки.

– Я знала, что ты поймешь, Периквин! – воскликнула она. – Поэтому я надеялась, что ты что-нибудь придумаешь, когда вернешься домой.

– А что я могу придумать? – мрачно усмехнулся лорд Корбери. – Уж, во всяком случае, я не смогу дать Саймону сто фунтов!

– Если бы речь шла только о Саймоне! – обреченно произнесла Фенелла.

– Кто еще? – спросил лорд Корбери.

– Помнишь миссис Джарвис, которая держала гостиницу «Лесной охотник»?

– Я хорошо помню Джарвиса, – ответил лорд Корбери.

– Он умер пять лет тому назад, и миссис Джарвис продолжала вести дело. Ее сын Джо помогал ей, пока его не забрали на войну. Оставшись одна, она тем не менее неплохо справлялась и откладывала каждое пенни, чтобы Джо, когда вернется, мог занять место своего отца.

– И что же произошло? – спросил лорд Корбери.

– Позапрошлой зимой миссис Джарвис заболела. Стояли ужасные холода, а она, должно быть, сэкономила на угле, чтобы скопить побольше денег. Как бы там ни было, она заболела воспалением легких. Когда она умирала, ее навещил Исаак Голдштейн.

– А ему-то что там понадобилось? – удивился лорд Корбери.

– Он будто бы был женат на ее сестре. Посылала ли миссис Джарвис за ним или он случайно оказался там, не знаю. Но, так или иначе, она отдала ему все деньги на хранение с тем, чтобы он передал их Джо, когда тот вернется с войны. Она также поручила ему приглядывать за гостиницей, а если придется ее продать, то сохранить вырученные деньги для Джо.

– Продолжай, – коротко бросил лорд Корбери.

– Миссис Джарвис умерла, а когда вернулся Джо и ему рассказали обо всем, Исаак Голдштейн заявил, что мать Джо ничего ему не оставила.

– Невероятно! – воскликнул лорд Корбери. – Как ему удалось выйти сухим из воды?

– Очевидно, он попросту предложил Джо попробовать доказать, что его мать отдавала ему какие-либо деньги или завещала сыну всю сумму, вырученную от продажи гостиницы.

– Так он ее все-таки продал?

– Через неделю после того, как умерла миссис Джарвис, и если верить слухам, взял за нее хорошие деньги. Гостиница процветала, и Джо полагает, что вместе со сбережениями это составило больше тысячи фунтов, из которых он не получил ни пенни.

– Впервые в жизни слышу о таком возмутительном мошенничестве! – воскликнул лорд Корбери. – Хотел бы я сказать этому Голдштейну, что я о нем думаю!

– Многие пытались, да только напрасно, – сказала Фенелла. – Ему на всех наплевать, он богат и скуп до чрезвычайности. Я сама видела, как он... – Внезапно она остановилась, и глаза ее загорелись. – Послушай, Периквин! У меня есть идея!

– Какая? – поинтересовался он.

– Я придумала, как вернуть деньги Саймону Баклу и Джо Джарвису, а возможно, поправить и твои дела!

– О чем ты говоришь? – спросил лорд Корбери. Фенелла вскочила с дивана и замерла, сжав руки и глядя в одну точку, как бы пытаясь сосредоточиться.

– Я знаю, где Исаак Голдштейн прячет свои деньги, – объявила она. – Я видела, как, возвращаясь из одной поездки на побережье, он вытаскивал из своей повозки множество мешочков, относил их в дом и прятал под половицей.

– Как тебе удалось подглядеть за ним? – поразился лорд Корбери.

Фенелла глубоко вздохнула.

– Я говорила тебе, что он отвратительный тип. У него есть два свирепых пса, которых он оставляет охранять дом, когда уезжает. Но он их очень плохо кормит. Надо полагать, он думает, что голодными они будут еще злее. Он и так держит их впроголодь, а уж когда уезжает, то и вовсе оставляет на три-четыре дня без еды, а иногда даже без воды.

– Вот негодяй! А ты-то здесь при чем?

– Я их подкармливаю.

– Подкармливаешь? – Лорд Корбери не верил своим ушам.

– Сначала я кидала им еду через забор, – объяснила Фенелла. – Теперь, едва они меня увидят, так сразу начинают вилять хвостами, и я могу делать с ними что хочу. Разумеется, Исаак Голдштейн этого не знает.

– Ты уверена, что они не бросятся на тебя в один прекрасный момент? – спросил лорд Корбери.

– Да они теперь готовы защищать меня от кого угодно! – улыбнулась Фенелла. – Неужели ты не видишь, Периквин, как это все упрощает? Мы заберем у Голдштейна деньги, заработанные нечестным путем, отдадим Джарвису и Саймону то, что им причитается, и, может быть, у нас даже что-нибудь останется на ремонт коттеджей.

– Ты что, предлагаешь мне совершить кражу?! – загремел лорд Корбери.

– Я предлагаю тебе отнять деньги у богатого и раздать бедным, – возразила Фенелла.

– В жизни не слыхал подобного вздора! – кричал лорд Корбери. – Неужели ты рассчитываешь, что я опущусь до мелкого воровства?

– Ну что ж, если ты не сделаешь этого, Саймон останется в когтях этого мерзавца, – сказала Фенелла. – А Джо Джарвис впал в такое отчаяние, что запил, и теперь пропивает все, что ему удастся заработать.

– Я думаю, вместо того чтобы пить, лучше бы он попытался что-нибудь сделать, – заметил лорд Корбери.

– А что он может сделать? Свидетелей тому, как миссис Джарвис передавала Голдштейну деньги, нет. Просто всем в деревне известно, сколько она работала, откладывая каждое пенни для своего Джо. Все также знают, что она никогда не позволила бы своему зятю, которого едва знала, продать гостиницу и положить деньги себе в карман.

– Может быть, мне поговорить с адвокатом? – предложил лорд Корбери.

– А где ты собираешься взять деньги, чтобы с ним расплатиться? – поинтересовалась Фенелла.

Лорд Корбери издал нетерпеливое восклицание и отошел к окну.

– Должна сказать, Периквин, что ты здорово постарел, – бросила она ему вслед.

– Что ты хочешь этим сказать? – вскинулся он.

– В прежние времена мы с тобой частенько пускались в рискованные предприятия, – ответила Фенелла. – Помнишь, как мы стащили все сортовые персики из оранжереи лорда-наместника, потому что его садовник очень задирает нос перед простыми людьми, желавшими принять участие в цветочной выставке, и делал все возможное, чтобы никто из них не получил приз? Часть персиков мы съели, а оставшиеся бросили в пруд. Никто так и не узнал, чья это работа.

– Мы были тогда совсем детьми, – сказал лорд Корбери.

– А в другой раз мы взяли без разрешения лошадей твоего отца и отправились в Даунс посмотреть кулачные бои! Это был один из самых замечательных дней в моей жизни. Помнишь, какое это было захватывающее зрелище?

– О да, – ответил он. – Тридцать восемь раундов, и оба бойца так обессилели, что в конце едва могли поднять руку!

– Я помню, как мы потихоньку отвели лошадей обратно в конюшню, – продолжала она, – а старый Сэм, ваш грум, так хорошо к нам относился, что не выдал нас. Когда твой отец спросил, где мы были, ты ответил, что ловили рыбу. По крайней мере, в те времена ты ничего не боялся!

– Черт тебя побери, я и сейчас не боюсь! Просто джентльмен не может опускаться до воровства!

– Что толку быть джентльменом, если у тебя нет ничего, кроме гордости? – съязвила Фенелла.

– Это единственное, что у меня осталось, – с горечью заметил лорд Корбери.

– Боюсь, что в глазах Хетти это не слишком большое достоинство, – сказала Фенелла. – Не один только сэр Вирджил страдает от чрезмерного честолюбия!

Лорд Корбери с разгневанным видом повернулся к ней:

– Не смей плохо говорить о Хетти! Она само совершенство! Самое красивое, восхитительное и прелестное существо на свете! С тех пор как я уехал, я повидал немало женщин, но ни одна из них не была такой прекрасной, как Хетти.

– О да, она очень красива, – слегка вздохнув, согласилась Фенелла.

– Если бы ты приложила немного усилий, то тоже выглядела бы вполне приемлемо, – сказал лорд Корбери с братской фамильярностью. – Почему бы тебе не купить новое платье и не сделать модную прическу?

– Новое платье! – расхохоталась Фенелла. – Ты, вероятно, забыл, что наше финансовое положение мало отличается от твоего!

– Я уверен, что твой отец далеко не банкрот, – возразил лорд Корбери.

– О нет, он не банкрот, – ответила Фенелла. – Но он не собирается тратить деньги на тряпки и безделушки для своей дочери. В настоящий момент он намеревается приобрести первое издание «Потерянного рая» Мильтона. Три месяца назад куча денег пошла на Фрэнсиса Бэкона, а перед этим – на очень дорогую книгу Александра Попа.

– Но, если тебе уже восемнадцать, наверняка твоя мама понимает, что тебе пора выезжать в свет и встречаться с молодыми людьми?

– Мама! – Фенелла всплеснула руками. – Видно, что ты долго отсутствовал, Периквин. Ты же знаешь, что мама интересуется только своим садом. Сейчас она покупает какие-то редкие лилии, привезенные из Китая. Азалии, которые на прошлой неделе прибыли из Индии, стоили целое состояние. Папа с мамой все еще считают меня ребенком и ведут себя так, будто я не существую. Когда они обо мне вспоминают, то тотчас же отсылают меня с каким-нибудь поручением.

– Бедная Фенелла, всегда одно и то же, – сказал лорд Корбери, подошел к ней и сочувственно обнял за плечи. – Ну что ж, похоже, мы оба на мели, – сказал он. – Хотя, надо сказать, в этом нет ничего нового.

– Но раньше нам все же удавалось весело проводить время, – полувопросительно произнесла Фенелла.

– Ничего, я надеюсь, мы еще повеселимся, – пообещал лорд Корбери.

Некоторое время они стояли молча, прижавшись друг к другу.

– Миссис Бакл не получала жалованья девять месяцев, – наконец тихо произнесла Фенелла, – и она просила, чтобы я взяла у тебя хоть немного денег, чтобы заплатить лавочни-

кам. С тех пор как разбежались лесничие, некому стало поставлять на кухню кроликов и голубей, но ты мог бы сам пойти поохотиться.

– Если бы мне было на что купить патроны, – мрачно сказал лорд Корбери. Он снял руку с ее плеча и пристально посмотрел ей в лицо. – Насколько рискованно то предприятие, о котором ты говорила? – спросил он.

Фенелла издала радостное восклицание.

– Так ты решился? О Периквин, я знала, что ты согласишься! Даже если тебе не достанется ни пенса, ты все же сможешь помочь Джо и Саймону, а может быть, даже заплатить миссис Бакл и старику Хедстоуну, деревенскому мяснику. Он просил передать, что будет крайне признателен, если ты хоть частично вернешь ему долг.

– Проклятье, это же чистое сумасшествие! – покачал головой лорд Корбери. – Но, похоже, у меня нет выбора. Как ты думаешь, Фенелла, в доме еще найдется что продать?

– Разве что только кровати, – ответила она, – да и за них много не выручишь. Когда я помогала миссис Бакл стелить твою постель, я обратила внимание, что полог проеден молью, а все одеяла протерты до дыр.

– Так ты знала, что я скоро приеду? – удивленно спросил лорд Корбери.

– Я предполагала, что ты приедешь после разговора с мистером Свейером. А он появлялся здесь на прошлой неделе с инспекцией.

– Ну ладно, – сказал лорд Корбери после некоторого молчания, – семь бед – один ответ. Когда ты планируешь осуществить эту дурацкую затею?

– Исаак Голдштейн сегодня уехал, – ответила Фенелла. – Это означает, что он вряд ли вернется домой раньше послезавтра. Так что надежнее всего будет отправиться завтра.

– Ты уже все рассчитала заранее, не так ли? – упрекнул ее лорд Корбери.

– Нет, клянусь тебе, мне это пришлось в голову только сейчас, – ответила Фенелла. – Ты отлично знаешь, я не ждала тебя так скоро. Иначе я не стала бы прятаться в потайной комнате, когда приехала Хетти.

Лорд Корбери пристально посмотрел на нее, как бы желая удостовериться, что она говорит правду.

– Если ты затеяла все это лишь для того, чтобы втянуть меня в неприятности, Фенелла... – начал он.

– Нет, Периквин, что ты! – перебила она его. – Ты же знаешь, я не хочу, чтобы ты попал в беду. С твоей стороны очень несправедливо говорить такие вещи, ведь, когда мы были детьми, сколько раз я брала на себя вину за твои проделки! Помнишь, как ты разбил крикетным мячом стекло в церкви? Ты не хотел сознаваться, потому что боялся, что твой отец напишет твоему воспитателю в Итон и попросит по возвращении наказать тебя розгами.

– Господи, ну и память у тебя! – удивился лорд Корбери. – Это было сто лет назад.

– Я ничего не забыла, – сказала Фенелла. – Я так надеялась, что, когда ты вернешься, все снова станет по-прежнему!

– По крайней мере, в те времена у меня был отец, который оплачивал счета, – заметил лорд Корбери. – А теперь мне самому приходится доставать деньги.

– Ты обязательно их достанешь, я ни капельки не сомневаюсь! – горячо воскликнула Фенелла. – Ты всегда был очень сообразительным и легко все схватывал. Вспомни, как ты хорошо учился! А герцог Веллингтон говорил, что ты один из самых блестящих офицеров, бывших в его подчинении.

– Какой мне теперь от этого прок? – хмуро спросил лорд Корбери.

– Думаю, тебе не следует падать духом, – заметила Фенелла. – Рано или поздно к тебе придет какая-нибудь замечательная идея. А пока давай добудем хоть немного денег. Если хочешь, можешь рассматривать их как фонд для Хетти.

Она произнесла эти слова нерешительно, но тут же увидела, как у лорда Корбери загорелись глаза.

– Отличная идея, Фенелла, – сказал он. – Я достану денег, пусть даже и сомнительным путем, и когда соберу достаточную сумму, то отправлюсь к сэру Вирджилю и попрошу руки его дочери. Я готов на все, лишь бы жениться на ней.

– Ты прав, – согласилась Фенелла. – Ты... действительно ее очень любишь?

– Конечно, люблю, – ответил лорд Корбери. – Если, для того чтобы жениться на ней, мне пришлось бы ограбить Английский банк, я бы сделал это не задумываясь!

– Да, должно быть, ты и вправду очень любишь ее, – тихо прошептала Фенелла.

Глава вторая

Лорд Корбери с бокалом вина в руке сидел у камина. Вдруг со стороны окна до него донесся какой-то шорох. Обернувшись, он увидел, что через подоконник перелезает Фенелла.

– Почему ты не хочешь войти в дверь? – спросил он, но, взглянув на нее, сразу все понял.

Она была в бриджах и наглухо застегнутой куртке. Стройная и маленькая, в этом наряде она походила на мальчишку.

– Бог мой! – выдавил из себя лорд Корбери.

– Это тот костюм, который ты носил в Итоне, – пояснила Фенелла. Она засмеялась и добавила: – И не нужно смотреть на меня с таким неодобрением! Сам должен понимать, что в юбке не слишком-то удобно влезать в форточку, а именно это мне и предстоит.

– Я лишь надеюсь, что тебя никто не увидит, – сказал лорд Корбери.

Не сделав даже попытки встать, он снова откинулся в кресле, и по его лицу было видно, что он расстроен.

– Что случилось? – спросила она, ближе подходя к нему. – Это Хетти? Она сегодня не приехала?

– Нет, приехала, – ответил лорд Корбери.

– Ты из-за нее расстроился?

– Просто она дала мне понять, насколько глупо с моей стороны даже помышлять о женитьбе на ней, – уныло произнес он.

– А что она сказала?

– Прямо она ничего не сказала, – ответил лорд Корбери, – но у меня сложилось впечатление, что нет смысла рассчитывать на благосклонность ее отца, не имея пятидесяти тысяч фунтов на своем банковском счете.

Фенелла с трудом удержалась, чтобы не сказать все, что она об этом думает. Помолчав немного, лорд Корбери продолжал:

– Лучше уж сразу признать поражение! Какой смысл бороться, когда нет ни малейшего шанса на победу?

– Во время войны англичане могли бы сказать то же самое, – ответила Фенелла. – И кто бы мог подумать, что наш остров, кажущийся на карте таким маленьким, сможет победить Бонапарта, завоевавшего почти всю Европу.

– Какая ты славная, Фенелла, – вновь заговорил лорд Корбери после долгой паузы, – тебе всегда удастся меня подбодрить. Ты веришь в чудеса?

– Конечно, верю, – заявила Фенелла, – особенно когда дело касается тебя. Я считаю, Периквин, что Бог помогает тем, кто помогает себе сам.

– Значит, ты решительно настроена осуществить свой сумасшедший замысел? – спросил лорд Корбери.

– А ты полагаешь, что я вырядилась так для того, чтобы с унылым видом сидеть здесь рядом с тобой? – парировала она, взглянула на бокал в его руке и подозрительно добавила: – Надеюсь, ты не пытаешься утопить в вине свои печали?

– Вряд ли мне это удастся, – ответил лорд Корбери. – Это последняя бутылка из погреба. С завтрашнего дня мне придется пить одну только воду.

– Завтра все может быть по-другому, – сказала Фенелла. Она повернулась и направилась к окну: – Пора в путь. Нам нужно добраться до Старой мельницы до наступления темноты, чтобы мы могли найти дорогу к коттеджу. Кроме того, нам еще придется идти пешком через лес.

Лорд Корбери опрокинул в рот остатки вина из своего бокала.

– Пошли, – сказал он решительно. – Надеюсь, ты не заставишь меня тоже нарядиться в какой-нибудь маскарадный костюм?

Фенелла придирчиво оглядела его. Как бы ни был он беден, он умудрялся выглядеть таким же элегантным и безукоризненно одетым, как любой светский франт. Но тут она напонила себе, что ему следует бережно относиться к своей одежде, потому что новую он сможет купить себе нескоро.

– Надень самый старый костюм, – сказала она. – Нам предстоит перелезть через изгородь, и мне придется встать тебе на плечи, чтобы достать до форточки. Часть одежды, которую ты носил до армии, все еще лежит в твоём шкафу наверху. Я перебрала и почистила ее только на прошлой неделе. И надень черный галстук – он менее заметен, чем тот, что на тебе.

– Наверное, ты права, – нехотя признал лорд Корбери.

Он вышел из комнаты, и Фенелла услышала, как он поднимается по лестнице. Она взяла пустой бокал, из которого он пил, и поставила его на поднос, лежавший на маленьком столике. Затем она оглядела комнату, проверяя, не нужно ли еще что-нибудь убрать.

Она приходила утром, чтобы навести порядок и попытаться по возможности придать гостиной жилой вид. На столе стояли вазы с цветами, а чехлы на диванных подушках, хотя старые и потертые, были безукоризненно чистыми, потому что она сама их постирала и выгладила. Тем не менее все убранство дома находилось в плачевном состоянии, и Фенелла отлично представляла, какое впечатление это, должно быть, произвело на Хетти.

Что касалось ее самой, она всегда считала, что Прайори – самое красивое место на земле. После конфискации монастырских земель во времена правления Генриха VIII король отдал Прайори и прилегающие земли одному из своих придворных, отличившемуся на службе, и посвятил его в рыцари. В смутные времена диктатуры Кромвеля семье лишь чудом удалось сохранить Прайори, а после Реставрации Карл II учредил баронство Корбери.

– Как бы ни был беден Периквин, – сказала себе Фенелла, – я рада, что он не сможет продать Прайори или землю.

Почему-то она твердо верила, что обязательно настанет день, когда Периквин сможет вернуть былое величие своему родовому поместью и вести приличествующий ему образ жизни. Она могла лишь молиться, чтобы этот день настал поскорее.

Фенелла очень хорошо изучила Периквина. Она знала, как легко он впадает в уныние и как столь же быстро приходит в хорошее расположение духа. Знала она и то, что в его характере – хотя он и сам не отдавал себе в этом отчет – присутствуют сила и стойкость, которые, по ее мнению, обязательно должны были привести его к победе.

– Он непременно добьется успеха! – сказала она себе и вдруг с болью в сердце осознала, что успех нужен ему для того, чтобы жениться на Хетти.

Трудно было представить себе Периквина женатым, да еще на девушке, которую они оба с детских лет хорошо знали. Избалованность Хетти Болдуин проявлялась и в ее снисходительности и пренебрежении к другим девушкам, и в твердой уверенности, что все мужчины до единого должны находиться у ее ног.

Пока Периквин был во Франции, Хетти, предварительно одержав победу над всеми жившими по соседству молодыми людьми, отправилась в Лондон покорять высший свет.

«Ничего удивительного, что Периквин не смог устоять перед ней», – сказала себе Фенелла.

Она вспомнила классические черты лица Хетти, ее золотые локоны и нежную кожу и подумала, что было бы странно, если бы, вернувшись домой с войны, Периквин не заметил всего этого.

«Я хочу лишь, чтобы он был счастлив», – подумала Фенелла, но в глубине души она не верила, что он может быть счастлив с Хетти Болдуин.

Фенелла все еще стояла посреди гостиной с озабоченным видом, когда возвратился лорд Корбери. Он послушался ее совета и надел старые, заштопанные панталоны и куртку, сшитую несколько лет назад и ставшую ему узковатой в плечах, а вокруг шеи повязал черный галстук. Однако даже в этом наряде его облик отличала небрежная элегантность, и вызывающий взгляд лорда Корбери только усиливал это впечатление.

Фенелла не смогла удержаться от смеха.

– Неужели это сам предводитель разбойников? – с комическим ужасом спросила она.

– Если ты скажешь еще одно слово, – буркнул лорд Корбери, – я задам тебе хорошую трепку. Именно так я обращался с мальчишкой, который прислуживал мне в Итоне, а ты в этом наряде похожа на него как две капли воды.

– Я всегда знала, что ты задира и хвастун, – парировала Фенелла. – Однако если ты собираешься продолжать в том же духе, мы доберемся до Старой мельницы, лишь когда стемнеет, и собаки не смогут отличить друзей от врагов.

– О боже, собаки! – воскликнул лорд Корбери. – Я совершенно о них забыл!

– Зато я не забыла, – ответила Фенелла. – Я принесла им еды, она лежит на улице под окном.

– Неужели совершенно необходимо входить и выходить из дому через окно? – поинтересовался лорд Корбери.

– Ты можешь идти через дверь, если хочешь, – сказала Фенелла, – но у меня нет ни малейшего желания попадаться в таком виде на глаза миссис Бакл или старому Барнсу. Хотя в такой поздний час вряд ли что-нибудь может заставить их покинуть теплую кухню.

– Нет уж, лучше не будем рисковать, – сказал лорд Корбери, смирившись с обстоятельствами.

Вслед за Фенеллой он вылез в окно и очутился в патио. Фенелла нагнулась и подняла корзину, стоявшую на покрытых мхом каменных плитах.

– Надеюсь, у тебя для них достаточно еды, – сказал лорд Корбери.

– У нас в доме всегда куча разных остатков и объедков, – сказала Фенелла, – наша кухарка любит все делать с размахом.

– Чего нельзя сказать о миссис Бакл, – с досадой заметил лорд Корбери. – Сегодня она заявила мне, что не умеет готовить обед из воздуха.

– Бедный Периквин, ты голоден?! – воскликнула Фенелла.

– Пока нет, – ответил лорд Корбери, – но подозреваю, что к концу недели мне придется делать силки для кроликов из обрывков старой проволоки и таскать яйца из птичьих гнезд.

– У тебя нет патронов! – догадалась Фенелла.

– Я нашел всего несколько штук, – ответил лорд Корбери. – Клянусь богом, в этом доме просто шаром покати!

В его голосе снова прозвучала горечь. Фенелла подумала, что он, вероятно, днем тщательно обследовал весь дом. По всей видимости, он это сделал после того, как уехала Хетти. Может быть, ее визит был слишком коротким? Когда Фенелла рассталась с лордом Корбери перед обедом, он, казалось, был в отличном настроении.

– Я пока не стала говорить маме и папе о твоём приезде, – сказала Фенелла. – Не то чтобы это их могло особенно заинтересовать, просто я подумала, что чем меньше людей знает об этом, тем меньше вероятность, что эта новость дойдет до ушей сэра Вирджила.

– Очень предусмотрительно с твоей стороны, – одобрил лорд Корбери. – Единственное, ради чего стоит жить, – это свидания с Хетти, и если она не сможет приезжать сюда, мне ничего не останется, как пустить себе пулю в лоб.

Фенелла ничего не ответила. Она лишь надеялась, что Хетти не сочтет эти поездки слишком утомительными. Фенелла отлично знала, что Хетти делает только то, что ей нравится. И если она сама захочет увидеться с Периквином, ее ничто не сможет остановить. Но, если

нужно будет приложить хоть малейшее усилие, чтобы доставить радость ему, Хетти не пошевелит и пальцем.

«Я становлюсь злой, – подумала Фенелла. – Я не должна так плохо думать о Хетти. И я не должна завидовать ее красоте».

Однако она тут же была вынуждена признать, что завидует вовсе не красоте Хетти, а тому, что Периквин увлекся ею.

В прошлом, когда Периквин приезжал домой, он проводил все время с Фенеллой. Осенью они ходили стрелять уток, летом она подолгу просиживала рядом с ним на рыбалке. Они катались на лодке и ездили по лесу верхом. Однообразная мирная деревенская жизнь! Но, насколько помнила Фенелла, им никогда не было скучно. Всегда находились какие-то интересные дела.

А теперь Периквин стал таким унылым и подавленным! Она могла понять его озабоченность, вызванную отсутствием денег. Но то, что он утратил былую живость и интерес к повседневным занятиям, было на него не похоже.

В полном молчании бок о бок они шли по лужайке. Солнце уже пряталось за большим еловым лесом, окрашивая горизонт в алые, золотые и шафрановые тона. Небо стало синеть, и первая вечерняя звезда слабо мерцала в вышине.

«Нет ничего прекраснее Прайори в мае», – подумала Фенелла.

Воздух был наполнен ароматом сирени и запахом чубушника, деревья и буйно разросшиеся кустарники усыпаны цветами. Они шли по направлению к Робинс-Вуду, большому лесу, который тянулся вдоль длинной подъездной аллеи, ведущей к проезжей дороге, и Фенелла почувствовала, что красота и спокойствие весеннего вечера оказывают умиротворяющее действие на ее спутника.

– С тех пор как ты в последний раз рыбачил, здесь развелось немало жирной форели, – сказала она, когда они переходили узкий мостик над впадавшей в озеро речушкой.

– Да? – Фенелла увидела, как у лорда Корбери загорелись глаза. – Непременно попытаю счастья. Хотя я так давно не держал в руках удочку, что, боюсь, совсем разучился ловить рыбу.

– Ничего, ты быстро все вспомнишь, – заверила его Фенелла.

Он посмотрел на нее и улыбнулся.

– Не обращай внимания на мой унылый вид, – сказал он извиняющимся тоном. – Я понимаю, что ты стараешься меня приободрить. Даже если это тебе не особенно удастся, все равно я не имею права навязываться тебе со своими печальями.

– Ни о каком навязывании не может быть и речи, – ответила Фенелла. – В прошлом мы всегда выручали друг друга в трудную минуту.

Она взглянула на него, как бы рассчитывая найти поддержку, но он, разглядывая грачей, устраивающихся на ночлег, лишь бросил рассеянно:

– Да, конечно.

Войдя в Робинс-Вуд, ставшим практически непроходимым из-за того, что его не прореживали уже много лет, они направились вперед по узкой тропинке, которая петляла между деревьями. По мере того как солнце склонялось к горизонту, становилось все темнее, и тусклый вечерний свет с трудом проникал сквозь густые ветви над их головами.

Они шли в полном молчании и вдруг слышали, как к ним кто-то приближается. Фенелла замерла на месте, и лорд Корбери, повинувшись инстинкту и армейской выучке, мгновенно схватил ее за руку и нырнул за куст шиповника.

– Кто бы это мог быть? – прошептал он.

– Понятия не имею, – ответила Фенелла. – Обычно по ночам здесь никто не ходит.

Медленные тяжелые шаги приближались, до них донеслось какое-то бормотание. Лорду Корбери показалось, что он слышит иностранную речь, и, лишь когда человек поравнялся с ними, они поняли, что он читает молитву.

С трудом сдерживая желание выглянуть из-за куста, лорд Корбери, не выпуская руки Фенеллы, оставался в укрытии до тех пор, пока шаги и голос не стихли вдали.

– Все в порядке, – сказала Фенелла. – Это всего-навсего старый викарий.

– Старый викарий? – переспросил лорд Корбери.

– Ты должен его помнить. Он много лет был викарием в Литтл-Комб. Потом стал таким забывчивым и рассеянным, что епископу пришлось перевести его в Лесную церковь.

– Ты имеешь в виду монастырскую часовню? – спросил лорд Корбери.

– Именно ее. Она совсем не изменилась с тех пор, когда мы были детьми. Вокруг церкви, как и прежде, развелось полным-полно белок, птиц и даже кроликов. Я часто хожу туда на воскресную службу, конечно, если старый викарий вспоминает о ней.

– А кто-нибудь еще кроме тебя ходит туда? – поинтересовался лорд Корбери.

– Еще две старушки из деревни, которые просто боготворят викария; одна из них следит за порядком в его маленьком домике. Хотя это строение трудно назвать домом, оно больше похоже на лачугу, но старый викарий вполне там счастлив. Ему давно уже стало тяжело справляться с приходскими делами. Он постоянно забывал о похоронах, а во время венчания всегда приходилось посылать кого-нибудь за ним после того, как невеста уже давно прибыла в церковь.

Лорд Корбери рассмеялся.

– Должно быть, это причиняло немало хлопот.

– Безусловно, – ответила Фенелла, – особенно если учесть, что старый викарий подолгу пропадал в лесу. Ты помнишь, как он любил животных? Он до сих пор приручает белок, а олени едят у него из рук.

– Надо бы мне как-нибудь навестить его, – сказал лорд Корбери. – Жаль, что я сейчас его не остановил.

– Я подумала об этом, но нам опасно попадаться кому-то на глаза, – ответила Фенелла. – Исаак Голдштейн – мошенник, поэтому он не осмелится поднять шум из-за пропавших денег, но рассчитывать на это опасно, так что нам нельзя допустить, чтобы нас увидели поблизости от его дома.

– Ты права, – согласился лорд Корбери.

Они вернулись на тропинку, но в темноте им становилось все труднее находить дорогу. Когда наконец они вышли из леса, лорд Корбери увидел перед собой высокую плетеную изгородь.

– Ее здесь прежде не было! – воскликнул он с изумлением.

– Это Исаак Голдштейн поставил ограду, – пояснила Фенелла. – Он говорит, она нужна ему для того, чтобы собаки не убегали, но я подозреваю, что он просто боится незваных гостей.

Старая мельница выглядела совсем развалюхой. С одной стороны ее огибала река, с другой стороны – подъездная аллея, старая и заросшая, вела к проходившей неподалеку проезжей дороге. Некоторые окна были заколочены, остальные темные, и нигде не видно никаких признаков жизни.

Фенелле показалось, что лорд Корбери встревожен.

– Все в порядке, – успокаивающе сказала она, – я видела своими собственными глазами, что мистер Голдштейн уехал, а если он весь день занимался тем, что выколачивал деньги из своих должников, вряд ли он поедет домой в темноте.

Лорду Корбери нечего было на это возразить, и он вслед за Фенеллой молча направился к изгороди. Он увидел, что в одном месте навалена куча бревен, и догадался, что именно здесь Фенелла обычно перебиралась через забор.

Она отдала ему свою корзину и, как он и ожидал, взобралась на бревно, схватилась руками за край изгороди и перебросила через нее ногу. В тот же момент снизу донесся такой свирепый лай и рычание, что лорд Корбери инстинктивно протянул руки, чтобы удержать ее.

Фенелла тихонько свистнула.

– Тихо, тихо, мои хорошие, – сказала она, – это я.

При звуке ее голоса рычание и лай прекратились, и до лорда Корбери донеслось радостное повизгивание. Заглянув через забор, он увидел, что собаки прыгают и виляют хвостами.

В сумерках они выглядели на редкость устрашающе – большая овчарка и еще огромный пес непонятного происхождения. У обеих собак были огромные пасти и острые зубы, и лорд Корбери не сомневался, что они легко справятся с любым непрошеным гостем.

– Корзинку! – сказала Фенелла, спрыгивая на землю.

Лорд Корбери протянул ей корзинку, в то время как собаки, скуля от нетерпения, прыгали вокруг нее. Она бросила им несколько кусков, которые они проглотили с невероятной жадностью, так как, очевидно, очень проголодались.

– Перелезай, – сказала она, – я не позволю им тронуть тебя.

– Хочется верить, – сухо ответил лорд Корбери. – Я не испытываю ни малейшего желания стать частью их трапезы.

– Здесь для них полно еды, – сказала Фенелла. – К тому же я буду тебя защищать.

Лорд Корбери закинул ногу на изгородь и подождал немного. Одна из собак подняла голову и негромко зарычала.

– Это свой, – успокаивающе погладив ее по голове, сказала Фенелла.

Она дала обеим собакам еще по куску мяса.

– Все в порядке! – заявила она.

Лорд Корбери осторожно спрыгнул на землю.

– Держись рядом со мной! – скомандовала Фенелла. – Они тебя признали, иначе уже давно бросились бы на тебя.

– Это очень успокаивает, – заметил лорд Корбери. Он встал рядом с Фенеллой, а она тем временем достала из корзины две огромные кости и бросила их собакам.

– Это займет их, – улыбнулась она, перебросила пустую корзинку через изгородь и направилась к дому.

Дом, безусловно, находился в плачевном состоянии. Оконные рамы сгнили, а от сада, посаженного в свое время мельником, практически ничего не осталось. С дымовой трубы свалился колпак, который лежал прямо на тропинке, ведущей к крыльцу.

– Нельзя сказать, что мистер Голдштейн – образцовый арендатор, – заметил лорд Корбери.

– Он скряга, – объяснила девушка.

Когда они подошли к входной двери, Фенелла взглянула вверх, лорд Корбери проследил за ее взглядом. Он увидел над дверью веерообразное окошко с металлическими створками, которые давно проржавели и по бокам были сломаны. Стекло отсутствовало, и окно было занавешено старой дерюгой. Само отверстие казалось таким маленьким, что он усомнился, сможет ли Фенелла протиснуться в него даже при ее хрупком телосложении.

Как будто прочитав его мысли, она сказала:

– Я уверена, что пролезу. Подставляй спину.

Лорд Корбери согнулся, и она взобралась к нему на спину, как частенько делала, будучи еще ребенком. Придерживая ее за щиколотки, он выпрямился и подумал, что с тех пор она почти не стала тяжелее.

В последний раз она стояла у него на плечах, когда они перелезали через стену в сад лорда-наместника, чтобы стащить его персики. Сейчас лорду Корбери оставалось лишь надеяться, что их нынешняя затея окончится столь же благополучно.

Фенелла открыла окно и стала протискиваться внутрь, в то время как лорд Корбери с тревогой наблюдал за ней. Когда ее ноги, обтянутые бриджами, исчезли внутри, он с ужасом пред-

ставил, что будет, если их здесь застанут. Однако у него не было времени на размышления. Он услышал, как Фенелла спрыгнула на пол.

– Я не могу открыть дверь, – донесся изнутри ее голос. – Попытаюсь открыть одно из окон.

Спустя минуту лорд Корбери увидел, как она с трудом пытается приоткрыть ставни. Он помог ей, а затем вошел в комнату.

– Я захватила с собой свечу, – сказала она, роясь в карманах куртки. – Задвинь занавески.

Занавески были темные и очень тяжелые. Фенелла зажгла свечу, затем нашла еще две и тоже зажгла их.

Комната, в которой они очутились, была крайне необычной. Оглядевшись, лорд Корбери решил, что она обставлена вещами, которые Исаак Голдштейн, по всей видимости, вымогал у своих должников, когда они оказывались не в состоянии заплатить ему наличными.

Кресла были обиты дорогой парчой различных цветов и рисунков. Инкрустированный столик, вероятно, очень ценный, был заставлен всякой всячиной. Там были маленькая мраморная статуэтка, бронзовая собака, очаровательная безделушка из дрезденского фарфора, ангел с отбитой головой из английского фарфора, изготовленного в Челси, а также большое количество табакерок, причем на некоторых из них бриллиантами были выложены инициалы бывших владельцев.

– Бог мой, да это пещера Аладдина! – воскликнул лорд Корбери.

Он увидел, что у стены стоит несколько картин, а в углу лежит комплект доспехов и чуело медведя.

– Мы все равно не сможем ничего взять, – практично заметила Фенелла. – Если мы попытаемся продать что-либо из этих вещей, нас легко выследят.

Она встала на колени и отодвинула в сторону коврик, лежавший перед камином. Затем обеими руками попыталась приподнять одну из досок пола.

– Дай-ка я попробую, – сказал лорд Корбери. Он приподнял доску и присвистнул от удивления. В мерцающем свете они разглядели небольшое углубление, битком набитое холщовыми мешочками.

– Я захватила с собой наволочку, – сообщила Фенелла, вытаскивая ее из внутреннего кармана своей черной куртки.

– У тебя, как я вижу, большой опыт по этой части, – съехидничал лорд Корбери. – Мы заберем все мешки?

– Столько, сколько сможем унести, – ответила Фенелла. – У нас нет времени их все развязывать, а в них может оказаться лишь серебро, которого понадобится очень много, чтобы набрать тысячу фунтов для Джо Джарвиса.

– Ты права, – согласился лорд Корбери. – Давай быстрее покончим с этим и уберемся отсюда.

Наволочка была сделана из прочного льна, тем не менее Фенелла посмотрела на нее с сомнением, когда они с лордом Корбери доверху забили ее мешочками.

– Надеюсь, она не порвется.

– Хочется верить, – ответил лорд Корбери. – Она чудовищно тяжелая.

Он положил доску на место, а Фенелла поправила коврик у камина. Лорд Корбери отнес наволочку к окну, отодвинул занавеску и, перегнувшись через подоконник, осторожно поставил ее на землю под окном.

Он увидел, что собаки, добродушно помахивая хвостами, с интересом наблюдают за ними.

– Похоже, твои друзья одобряют наши действия, – заметил он. – Интересно, как к происшедшему отнесется их хозяин.

– Давай же быстрее, – взмолилась Фенелла. – Мне еще нужно закрыть форточку.

От внимания лорда Корбери не ускользнуло, что в ее голосе прозвучал страх.

– Я сам это сделаю, – сказал он.

Взяв из комнаты стул, он вынес его в узкий холл и, взобравшись на него, закрыл форточку и снова занавесил ее старой дерюгой. Когда он вернулся, Фенелла уже была на улице и ласкала собак. Он задул свечи, вылез вслед за ней и захлопнул окно.

– Интересно, Голдштейн заметит, что окно не заперто? – спросил он.

– Когда он это обнаружит, будет уже поздно, – ответила Фенелла.

Лорд Корбери нагнулся и поднял наволочку. Как он и говорил, она была невероятно тяжелой, настолько, что он с трудом мог идти.

Они направились к изгороди и почти дошли до нее, как вдруг вдалеке послышался стук колес. На секунду Фенелле показалось, что она ослышалась, но вскоре у нее исчезли всякие сомнения.

Это действительно был стук колес и цоканье лошадиных подков, и доносились они с подъездной аллеи, ведущей к дому.

– Быстрой, – начала было она, но тут же сообразила, что по скорости реакции лорд Корбери ей не уступает.

Он уже успел перебросить наволочку через изгородь, затем молча подхватил Фенеллу на руки, помог ей взобраться наверх и сам последовал за ней.

Едва они успели коснуться земли, как услышали, что лошадь и повозка остановились у дверей дома. Собаки с громким лаем кинулись к повозке. Если у Фенеллы и оставались сомнения, по их приветствию она убедилась, что приехал не кто иной, как сам Исаак Голдштейн. Псы, которые обычно встречали посторонних свирепым лаем, радостно повизгивали и скулили.

В темноте она протянула руку и дотронулась до лорда Корбери.

– Помнится, ты уверяла, что он никогда не возвращается домой ночью, – насмешливо протянул тот.

– Мне очень жаль, Периквин, – смиренно пробормотала она.

– Ну, жалеть нам пока не о чем, – сказал он. – Мы в безопасности, по крайней мере в данный момент. Но должен сказать, я никогда еще не был так близко от виселицы.

Фенелла содрогнулась. Впервые она осознала, насколько рискованна была вся эта их авантюра, пусть даже пока им и сопутствовала удача.

Лорд Корбери пошарил руками по земле, подобрал мешочки, выпавшие из наволочки, засунул их обратно и забросил свой нелегкий груз на спину.

– Пошли, – тихо сказал он. – Чем быстрее мы уберемся с места преступления, тем лучше.

Найти обратную дорогу в лесу оказалось нелегким делом. Фенелла пошла вперед, и после нескольких шагов лорд Корбери вынужден был опереться свободной рукой о ее плечо.

– На войне я очень гордился тем, что хорошо вижу в темноте, – сказал он. – Но здесь я слеп, как крот.

– Я знаю дорогу, – уверенно сказала Фенелла.

Темень была такая, что время от времени девушка вынуждена была идти, вытянув руки вперед, чтобы не натолкнуться на дерево. Наконец они вышли к реке, перешли через мостик и садами направились к Прайори.

Небо уже было усеяно звездами, в воздухе стоял аромат левкоев. Они пересекли лужайку; Фенелла посмотрела вверх и про себя произнесла благодарственную молитву. Конечно, красть нехорошо, но она была уверена, что в данном случае цель оправдывала средства.

Окно в гостиной все еще было открыто, а пламя свечей бросало золотые отблески на старинные деревянные панели. Комната выглядела очень мирно и уютно.

Лорд Корбери бросил наволочку на коврик перед камином и подкинул полено в затухающий огонь.

Фенелла села на пол, и отблески пламени, ожившего в камине, заплясали на ее рыжих волосах. На мгновение воцарилась тишина. Затем девушка подняла голову, и лорд Корбери увидел, что ее глаза сверкают от возбуждения, а губы с трудом сдерживают улыбку.

– У нас получилось! О Периквин, у нас все получилось!

– Чудом, – хладнокровно заметил он. – Неужели ты не понимаешь, что если тебя и не повесят за участие в этом деле, то уж на каторгу сошлют непременно?

– Перестань брюзжать, давай лучше посмотрим, что мы принесли, – сказала Фенелла.

– Нет, ты просто безнадежная и закоренелая преступница! – ответил он.

Он нагнулся и хотел было вытряхнуть содержимое наволочки на пол, но Фенелла вскочила на ноги.

– Подожди! – остановила она его.

Она подошла к окну и задернула портьеры.

– Не будем рисковать, – пояснила она. – Именно так я и увидела, куда Исаак Голдштейн прячет свои деньги. Я была в саду и кормила собак, когда он неожиданно вернулся домой. Дело близилось к вечеру, но было еще светло, и он увидел бы меня, если бы я попыталась перелезть через изгородь. Пришлось спрятаться в зарослях бузины. Я увидела, как он перетаскивает мешочки из своей тележки в дом, и меня разобрало такое любопытство, что я подкралась поближе, чтобы посмотреть, что он с ними будет делать дальше.

– Это был совершенно недопустимый и ничем не оправданный риск, – сказал лорд Корбери с напускной суровостью.

– Тем не менее этот риск оправдался, – ответила Фенелла. – Развязывай же скорее мешки, Периквин, я жду не дождусь, чтобы узнать, наберем ли мы тысячу фунтов для бедного Джо.

Лорд Корбери открыл один из мешочков и заглянул в него. Затем он высыпал его содержимое на коврик перед камином. Там были золотые монеты!

– Складывай их в столбики по десять штук, – предложил он. – Так нам будет легче их сосчитать.

Фенелла принялась исполнять его приказание, а лорд Корбери продолжал опустошать мешки один за другим.

Четыре мешочка, которые он заметил еще когда вынимал их из тайника, были легче остальных, и в них лежали в основном банкноты достоинством от одного до пяти фунтов. В мешках не оказалось ни серебряных, ни медных монет, только золотые.

К тому моменту как они добрались до последнего мешка, лорд Корбери и Фенелла уже работали молча и сосредоточенно. Наконец девушка сложила все монеты в столбики, а лорд Корбери рассортировал банкноты.

– В этом мешке купюры по пять фунтов, – начал он и вдруг воскликнул: – Бог мой!

– Что случилось? – спросила Фенелла.

– Они вовсе не по пять фунтов, как мне сначала показалось, а по пятьдесят, – ответил лорд Корбери.

– Не может быть! – изумилась Фенелла.

– И все же это так, – ответил он. – Должно быть, у нашего друга Исаака Голдштейна обширная клиентура.

– Считай же скорее! – взволнованно вскричала Фенелла. – И монеты не забудь!

Лорд Корбери принялся считать. Наконец с ноткой изумления в голосе он сказал:

– Я мог ошибиться, Фенелла, но, похоже, здесь больше шести тысяч фунтов!

– Периквин! Это... правда?

– Я сосчитаю еще раз.

– Но это же замечательно, просто замечательно! – воскликнула Фенелла. – Это даже больше, чем нам нужно!

Последовало молчание, а затем лорд Корбери серьезно сказал:

– Я не могу взять все эти деньги.

Фенелла выпрямилась и внимательно посмотрела на него.

– Одно дело взять небольшую сумму, – продолжал он, – но это почти целое состояние.

После небольшой паузы Фенелла сказала:

– По-моему, ты забыл о двух вещах.

– Каких? – поинтересовался лорд Корбери.

– Во-первых, Исаак Голдштейн требует эти деньги у людей, попавших к нему в сети, как бедный Джо Джарвис. А во-вторых, как ты предполагаешь их вернуть?

– Ты права, – согласился лорд Корбери. – Но я чувствую себя негодяем.

Она поднялась с пола и пристально посмотрела ему в глаза.

– Мне кажется, это лучше, чем чувствовать себя банкротом, – сказала она.

Он слегка нахмурился, но затем расхохотался.

– Фенелла, ты неисправима! С тобой всегда так! Сначала ты втягиваешь меня в авантюру, а потом сама же пытаешься выручить. – Продолжая смеяться, он обнял Фенеллу за плечи и ласково прижал к себе. – Ты проказливый чертенок, – сказал он, – но видит Бог, я тебе очень благодарен.

– Но это же было увлекательно! Теперь, когда опасность миновала, сознайся же, что это было увлекательно! – настаивала Фенелла.

Он еще раз крепко сжал ее и отпустил, сказав:

– Ну хорошо, это было увлекательно, но что нам теперь делать с этими несправедливо добытыми деньгами?

– Я уже все обдумала, – торопливо проговорила Фенелла. – Я скажу миссис Бакл – а она, без сомнения, разнесет это по всей деревне, – что перед самым отъездом из Лондона ты выиграл в карты немного денег. Свейер наверняка сообщил всем, что у тебя нет ни пенни, поэтому надо как-то объяснить, откуда на тебя свалились деньги.

– Ну что ж, звучит разумно, – согласился лорд Корбери. – И что дальше?

– Потом ты пригласишь Джо и скажешь ему, что, поскольку тебе улыбнулась удача, ты хочешь возместить ему его потери. А еще ты дашь Саймону Баклу сто фунтов, чтобы он их отдал Исааку Голдштейну. Так что по крайней мере сто фунтов он получит назад, хоть он этого и не заслуживает.

– Должен признаться, что у тебя на редкость своеобразные понятия о справедливости, – сказал лорд Корбери, – но пока я с тобой полностью согласен. Что мы будем делать с оставшимися деньгами?

Подумав минуту, Фенелла ответила:

– Оплати все долги лавочникам, отложи немного денег на ремонт коттеджей – для этого достаточно нескольких сотен фунтов, – а остальное... пусть это будет фонд для Хетти.

Последние слова она произнесла чуть слышно, не глядя на лорда Корбери.

– Фонд для Хетти, – тихо повторил он. – Мы спрячем их в потайной комнате. По крайней мере на время. Опасно сразу класть в банк такую огромную сумму.

– В потайной комнате деньги будут в полной безопасности, – сказала Фенелла. – Никто, кроме нас с тобой, не знает о ее существовании. Твой отец никому о ней не говорил, а сам он узнал обо всем от твоего деда.

– Ну, значит, договорились, – беспечно сказал лорд Корбери. Он поднял с пола несколько золотых монет и добавил: – Если, конечно, ты не хочешь взять часть денег себе. Они принадлежат тебе в равной степени, как и мне, и я хотел бы купить тебе подарок.

– Нет! – резко оборвала его Фенелла. – Я не возьму ни пенни из этих денег! – Она сказала это с такой горячностью, что он с изумлением посмотрел на нее. Заметив это, она тихо добавила: – Ты украл эти деньги для Хетти... мы должны помнить об этом.

Глава третья

Фенелла спустилась по ступеням и вошла в гостиную. В руках она держала рабочую корзинку.

Она увидела, что Хетти и лорд Корбери идут по лужайке, и поняла, куда они направляются – в беседку у озера, в которой они скрывались от посторонних глаз во время предыдущих визитов Хетти.

Когда приехала Хетти, Фенелла была наверху и прибирала спальню лорда Корбери. Стоя на лестничной площадке, она имела возможность следить за происходящим, оставаясь при этом незамеченной. Она молча наблюдала, как из коляски, на козлах которой сидел лакей в роскошной ливрее, выпорхнуло неземное видение.

На Хетти было воздушное платье небесно-голубого цвета, как нельзя лучше шедшее к ее голубым глазам. Наряд дополняла шляпка, украшенная крохотными розочками, а над головой девушка держала изящный зонтик.

Все в целом выглядело очень элегантно и, как полагала Фенелла, стоило уйму денег. Но сэр Вирджил был богатым человеком и не жалел средств на то, чтобы достойной оправой подчеркнуть прославленную красоту своей дочери.

Естественно, Фенеллу не удивило, что лорд Корбери, поспешивший навстречу своей гостье, замер как вкопанный, когда увидел Хетти.

Хетти вошла в холл и поставила на стол корзинку.

– Это якобы для миссис Бакл, – сказала она. – Потом выбросишь, когда я уеду.

– Как ты хороша, – сказал лорд Корбери глубоким голосом. – Мне не верится, что ты настоящая.

Хетти бросила на него кокетливый взгляд.

– Может, пойдем в сад и попробуем убедиться в этом? – мягко сказала она.

Лорд Корбери взял ее руку и поднес к своим губам. Затем он увлек гостью за собой в коридор, в конце которого была дверь, ведущая в сад, и спустя несколько секунд Фенелла увидела, как они идут по нескошенной лужайке.

Пышный туалет Хетти, размышляла Фенелла, кажется неуместным на фоне старого запущенного сада, а вот огромный серый замок, окруженный высокими стенами, серебряная гладь большого озера и вековые дубы в старом парке выглядят естественным окружением для Периквина. А все потому, говорила она себе, что он часть всего этого, что он неразрывно связан со всем этим, что он в такой же мере принадлежит Прайори, как Прайори принадлежит ему.

Когда крошечный зонтик и шляпа с высокой тульей наконец скрылись из виду, Фенелла пробудилась от своих мыслей и поспешила заняться уборкой комнаты, которую, уходя, Периквин оставил в жутком беспорядке.

Он не привык обходиться без камердинера.

В армии у него всегда был слуга, который за всем следил, а до этого – камердинер и лакей, которые раскладывали его одежду, подавали ему накрахмаленные галстуки и начищали сапоги до зеркального блеска.

Теперь у него остался только Барнс, а тот был уже слишком стар для такой работы, и единственное, на что у него хватало сил, – это прислуживать за столом и раз в день относить наверх в комнату его светлости горячую воду для бритья.

Фенелла оглядела большую спальню, когда-то принадлежавшую матери Периквина. Она была обшита дубовыми панелями, но леди Корбери покрасила их в белый цвет, а большая кровать с пологом, стоявшая здесь со времен Реставрации, была щедро разукрашена золотыми купидонами и переплетенными сердцами.

Портьеры были из синего бархата, порядком выцветшего и вытертого, но сочность и красота цвета до сих пор радовали глаз. Инкрустированный комод был сделан во Франции два столетия назад, и Фенелла каждый раз очень бережно стирала с него пыль.

Она знала, что здесь царил бы хаос, если бы она не приходила каждое утро прибраться, проследить, чтобы костюм, который накануне был на Периквине, отгладили, а ботинки начистили, и приготовить ему фрак, чтобы он смог переодеться к обеду.

Он даже не подозревал об этой ее деятельности и совершенно не задумывался о том, почему, несмотря на крайне стесненные обстоятельства, в его жизни сохранился привычный комфорт.

Лорд Корбери всегда радовался при виде Фенеллы и, как будто у нее и так не доставало работы, постоянно давал ей какие-нибудь поручения. Вот и сегодня она позже обычного покончила с делами – уж больно хлопотным выдалось это утро.

Они специально выждали два дня, чтобы удостовериться, что Исаак Голдштейн не поднимет шума. Они внимательно прислушивались ко всем деревенским сплетням, чтобы выяснить, известно ли что-нибудь об ограблении. Когда же они убедились, что все тихо, а Фенелла, отправившись кормить собак, обнаружила, что Голдштейн снова уехал, они решили приступить к осуществлению своего плана.

В соответствии с ним Фенелла сообщила миссис Бакл радостную весть – что перед отъездом из Лондона лорд Корбери выиграл в карты крупную сумму денег и что, как это принято, спустя неделю ему прислали долг.

– Это хорошие новости, мисс Фенелла! – обрадовалась миссис Бакл.

– Вы не дадите мне список того, что он задолжал лавочникам? – попросила Фенелла.

– Это совсем нетрудно, мисс, – ответила миссис Бакл. – Саймон давно мне все написал и даже подсчитал, ведь вы же знаете, что я не мастерица писать. Хотя он мог бы этого и не делать, потому что я помню все долги наизусть и провела немало бессонных ночей, прикидывая, сможем ли мы когда-нибудь их оплатить.

– Вот сейчас мы все и оплатим, – улыбнулась Фенелла.

Взяв список долгов у миссис Бакл, Фенелла отправилась к лорду Корбери за деньгами. Он вынес часть золотых монет из потайной комнаты. Фенелла намеренно попросила у него сумму бо́льшую, чем он задолжал, так как нужно еще было купить провизию хотя бы на неделю, а она не сомневалась, что он будет крайне недоволен, если ему придется постоянно брать деньги из «фонда для Хетти».

После этого лорд Корбери послал за Саймоном Баклом и дал ему сто фунтов, чтобы тот вернул долг Исааку Голдштейну.

– Пообещай мне одну вещь, – сказал лорд Корбери ошарашенному парню.

– Все, что ваша светлость пожелает, – пробормотал Саймон, не смея поверить своему счастью.

– Пообещай мне больше никогда не связываться с ростовщиками, – сказал лорд Корбери. – Занимай деньги у кого угодно, только не у этих кровопийц. Это же настоящие вымогатели, которые просто-напросто крадут ваши деньги, называя это умением вести дела.

– В следующий раз я уж так не оплошаю, милорд, – хрипло сказал Саймон, не в силах выразить свою благодарность.

Если Саймон Бакл был ошарашен щедростью лорда Корбери, то Джо Джарвис чуть было попросту не лишился рассудка, когда узнал, что его светлость собирается возместить ему то, что он считал безвозвратно утерянным.

Фенелла настояла на том, чтобы ей позволили присутствовать при этом, потому что ей доставляло неизъяснимую радость сознание того, что справедливость восторжествовала.

Ее глаза затуманились от слез, когда Джо Джарвис сказал с грубоватой откровенностью:

– Я никогда не смогу отблагодарить вас за это, милорд, но я буду верно служить вам всю жизнь.

– Есть ли у тебя шанс получить «Лесного охотника» назад? – спросил лорд Корбери.

– Мне кажется, что я смогу войти в долю, – ответил Джо. – Человек, который купил гостиницу, уже не молод и, по слухам, жалуется, что ему тяжело управляться с делами.

– Ну что ж, если он согласится взять тебя в дело, это будет прекрасно, – сказал лорд Корбери. – Только обязательно составь с ним договор и не подписывай ничего, не показав предварительно мне.

– Непременно, милорд, и спасибо вам.

Джо поспешно вышел из комнаты, как будто намереваясь сразу же броситься в гостиницу и начать переговоры, но Фенелла знала, что он просто боялся не удержаться и расплакаться.

Когда за Джо закрылась дверь, она взглянула на лорда Корбери.

– Риск стоил того, – сказала она тихо.

– Я сам начинаю так думать, – ответил он, – хотя чувствую себя неловко, когда меня благодарят. В конце концов, я же отдаю им не свои деньги.

– Но, чтобы их раздобыть, ты рисковал своей головой, а она представляет для тебя гораздо большую ценность, – сказала Фенелла.

– С этим трудно не согласиться, – рассмеялся лорд Корбери.

На этом утренние волнения не закончились. Фенелла послала за мистером Порритом, местным подрядчиком, и тот пришел в восторг, когда узнал, что ему поручают отремонтировать коттеджи.

– Не стану скрывать, милорд, – сказал он, – я и два моих сына уже третий месяц сидим без работы. Ваше предложение – большая удача для нас, уж это точно.

– В таком случае не заламывайте слишком высокую цену, – ответил лорд Корбери, – и постарайтесь закончить работу как можно быстрее. Я хочу поместить объявление о сдаче коттеджей внаем.

– Вам можно этого и не делать, – сказал мистер Поррит. – В Багл-Энд живет один молодой фермер, он положил глаз на землю, которую до своего отъезда обрабатывал Макдональд. Он даже спрашивал меня, какой ремонт надо будет сделать в доме и в сарае. Но у него нет сбережений, а я боялся поверить ему в долг, так как фермерство в наши дни приносит мало дохода.

– А он хороший фермер? – поинтересовался лорд Корбери.

– У него хорошая репутация, и он честный малый, – ответил мистер Поррит. – Я уверен, что милорд не будет разочарован.

– Скажи ему, чтобы он зашел ко мне, – сказал лорд Корбери.

– И я не удивлюсь, если кто-нибудь из местных жителей захочет арендовать тот коттедж, в котором жил Гримбл, – продолжал мистер Поррит. – Если позволите, я поговорю кое с кем из надежных людей.

– Да уж, будь добр, – ответил лорд Корбери. – И чем быстрее они въедут, тем лучше. Когда эти два коттеджа будут отремонтированы, мы займемся остальными.

– Там немало работы, – сказал мистер Поррит, покачав головой, но по всему было видно, что эта перспектива его крайне радует.

– Ну, так начни с этих двух, – предложил лорд Корбери, – а потом посмотрим, что делать с остальными.

Когда подрядчик вышел из комнаты, Фенелла тревожно взглянула на лорда Корбери.

– Остальные коттеджи в очень плохом состоянии, – сказала она.

– Черт побери, я просто обязан раздобыть побольше денег! – воскликнул лорд Корбери. – Ты же не хуже меня знаешь, что когда-то сдача земли в аренду приносила немалый доход, и так оно должно быть и в будущем.

– Да, я знаю, – согласилась Фенелла. – У тебя есть какие-нибудь идеи?

– Кажется, я кое-что придумал, – загадочно ответил он.

Фенелла не стала настаивать. «Сейчас он вряд ли способен думать о чем-либо, кроме Хетти», – сказала она себе, войдя в гостиную и опустившись на пол возле окна.

Она заметила, что подкладка на одной из портьер оторвалась и свисает из-под узорчатой ткани. Подкладки у всех портьер были в ужасном состоянии, но она подумала, что даже если их заменить, это ничего не даст, так как сами портьеры выцвели до такой степени, что по краям казались совсем белыми.

Когда была жива мать Периквина, эта комната выглядела очень мило, но сейчас становилось страшно при мысли, в какую сумму обойдется ее ремонт после того, как она пустовала в течение шести лет.

По крайней мере, их сумасшедшая авантюра с ограблением Исаака Голдштейна разрешила самую насущную проблему: Периквин не умрет с голоду и есть крыша над головой.

Как хорошо, что он снова дома! Фенелла даже не хотела вспоминать те долгие ночи во время войны, когда она лежала без сна, думая о том, что он постоянно подвергается опасности, мучаясь при мысли, что он может быть ранен или даже убит. Известия поступали крайне нерегулярно, и прошло немало времени после поражения Наполеона в 1814 году, прежде чем она узнала, что Периквин жив и даже умудрился за всю войну не получить ни единой царапины.

В тот день она отправилась в Лесную церковь и долго, страстно молилась, благодаря Бога за то, что он сохранил Периквину жизнь.

Фенелла думала, что, узнав о смерти отца, Периквин тотчас же приедет, но, когда девятый лорд Корбери отправился в последний путь, его сына среди провожавших не оказалось. Девушка с ужасом узнала, что причиной его отсутствия было возобновление военных действий во Франции после того, как Наполеон высадился на юге. Снова она проводила часы в молитвах о его безопасности, снова лежала по ночам без сна в своей постели. Наконец пришла весть о победе при Ватерлоо, война закончилась, но Периквин по-прежнему не возвращался.

Теперь он был дома, и Фенелла старалась не очень радоваться тому, что вопреки своему желанию он не может жениться на Хетти. Она знала, что, если это когда-нибудь произойдет, для нее в его жизни уже не останется места. Конечно, она желала ему счастья, оно было для нее важнее, чем ее собственное, и в то же время она чувствовала, что жить, не имея возможности видеть его, быть рядом с ним, – это все равно что жить без солнца.

Фенелла была так погружена в свои мысли, что не заметила, как отворилась дверь, и чуть не подпрыгнула на месте, когда надменный и властный голос произнес:

– Мне сказали, что здесь я смогу найти мисс Болдуин.

Фенелла подняла голову и, увидев, что в дверях стоит очень важный джентльмен, сразу же заключила, что это не кто иной, как сэр Николас Уорингем. Он был одет чрезвычайно элегантно, а волосы уложены с тщательно продуманной небрежностью, введенной в моду принцем-регентом². Держался он с большим достоинством, почти напыщенно, что позволило Фенелле сразу же его узнать, так как он в точности соответствовал тому описанию, которое дал лорд Корбери.

Фенелла стояла, уставившись на него, пока до нее не дошло, что он ожидает ответа на свой вопрос.

– Вы хотите видеть мисс Болдуин? – переспросила она.

– Разве я не ясно выразился или ты совсем дурочка? – нетерпеливо ответил сэр Николас. – Поторопись, милочка, и найди ее!

По его тону Фенелла поняла, что он принял ее за служанку, и не задумываясь из озорства ответила на местном диалекте с резким преувеличенным акцентом:

– Ой, да мы все тут в деревне ужасно какие глупые.

² Будущий король Георг IV, правил с 1811 года в связи с душевной болезнью своего отца, короля Георга III.

Она настолько комично произнесла эту фразу, что сэр Николас с удивлением посмотрел на нее в лорнет.

– Похоже, я ошибся, – сказал он совершенно другим тоном. – Прошу прощения, но я принял вас за служанку.

Фенелла поднялась с пола.

– Это неудивительно, – ответила она. – Ведь когда вы вошли, я подшивала портьеры. Пожалуй, мне следует представиться. Я кузина лорда Корбери, меня зовут Фенелла Ламберт.

– Так вы племянница лорда Фаркуара! – воскликнул сэр Николас. – Я знаком с вашим дядюшкой. Это очень достойный джентльмен и близкий друг принца-регента.

Фенелла приблизилась к сэру Николасу и сделала реверанс:

– А вы, должно быть, сэр Николас Уорингем.

– Совершенно верно, мисс Ламберт, – сказал сэр Николас, слегка наклонив голову.

Фенелла лихорадочно соображала. Нельзя допустить, чтобы сэр Николас отправился на поиски Хетти и Периквина. Он может застать их за интимной беседой и, как претендент на ее руку, сочтет это компрометирующим обстоятельством. Более того, если он расскажет об этом сэру Вирджилю, не миновать беды.

Фенелла пришла к выводу, что ей остается только одно: любым способом задержать сэра Николаса до их возвращения.

– Я полагаю, Хетти появится с минуты на минуту, – проговорила она уклончиво. – Должна признаться, что я очень рада нашему знакомству.

– Да? – Сэр Николас удивленно приподнял брови.

Было совершенно очевидно, что внешний вид Фенеллы не произвел на него большого впечатления. Она все утро провела за уборкой комнат, ее волосы растрепались, и непослушные пряди выбились из прически, что совсем не соответствовало облику юной барышни.

– Периквин сказал мне, что у вас необыкновенно интересная родословная.

На секунду ей показалось, что высокомерное выражение на его лице слегка смягчилось.

– Наше генеалогическое древо действительно уникально, – ответил он. – Как вы, должно быть, знаете, я являюсь первым баронетом Великобритании. Мои предки были землевладельцами и шерифами еще до того, как на эти земли пришел Вильгельм Завоеватель.

– Как интересно! – воскликнула Фенелла. – Вы должны этим очень гордиться.

– Почему бы и нет? – ответил сэр Николас. Он обвел глазами комнату. Казалось, от его взгляда не ускользнула ни одна деталь, и у Фенеллы сложилось впечатление, что его губы слегка искривились в презрительной усмешке. Затем, как бы желая найти оправдание тому, что увидел, он поинтересовался: – Корбери ведь тоже очень древнее имя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.